

Хедаятолла Бехбуди
Мортаза Сарханги

Вслед за дождём

Ростов-на-Дону
2020

УДК 82-94

ББК 84

Б 55

Хедаятолла Бехбуди / Мортаза Сарханги

Б 55 В след за дождем. Центр истории и культуры Востока ДГУ. Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2020. - 64 с.

Данная книга написанна Хедаятуллою Бехбуди и Мортазой Сарханги и содержит наиболее документальные репортажи, собранные о 8 годах ирано-иракской войны. В данных репортажах описываются послевоенные города провинции Хузестан в Иране. Эти репортажи сделаны в 1988 и 1989 годах, то есть сразу после войны, что особо ценно для изучающих историю современного Ирана и Востока.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044725-5-2

УДК 82-94

ББК 84

©Центр истории и культуры Востока ДГУ

РЕПОРТАЖ ПЕРВЫЙ

12/03/1989

Звёзды, как всегда, мерцали на синем небосводе. Они похожи на боевой отряд, что несёт службу в сооружённых на россыпи Млечного Пути окопах, дабы навсегда сохранить историю о тех мужах, которые проложили путь от земли до самых небес. Там, на небесах, с радостью встречают этих героев...

История этой земли – это бесконечный рассказ, который передавали от йеменского городка Каран до аравийской деревни Рабазы, откуда он достиг самого Ирака и места, где пал величайший мученик – до иракской Кербелы. Пройдя по этим пустыням, которые знавали мучеников и героев, наш рассказ добрался и до этой освещённой звёздами земли, чтобы найти свой конец в ожидаемом всеми явлении спасителя человечества и восстановителя прав всех обездоленных – имама Махди – мир ему.

Мы стоим у берегов океана бесконечной любви, дабы окрасить в багровые краски блеклую бумагу посредством одного лишь упоминания на ней иранского города Шаламчи...

Мы пришли вслед за дождём под сень воспоминаний о военных событиях минувших дней, дабы написать этот рассказ в начале этой весны, которая ныне наполнена ароматом самых разных соцветий, а не запахом пороха, как в

былые дни. Небо щедро поливало дороги, а весёлый майский дождь задал высокий ритм автомобильным дворникам, что отчаянно трудились в попытке выполнить своё единственное предназначение. Успокаивающий шум весеннего дождя очистил наше сознание от городской суеты, и мысли наши вновь устремились на землю Хузестана, туда, где ещё совсем недавно полыхал пламень войны.

Наш путь украшали величественные арки из радуг и живописных видов природы. Проехав подвесной мост города Ахваза, мы вдруг ощутили тот самый, до боли знакомый аромат реки Карун, и воспоминания нахлынули на нас новой волною. От этих вод всегда ощущалось величие и некая тайна.

Облик Ахваза сильно изменился с августа месяца, когда мы в последний раз видели его. Тогда силы баасистов под командованием Саддама Хусейна разрушили привычный ход времени и перевернули всё верх дном, лишив людей самой простой надежды на то, что завтрашний день может наступить. То тяжёлое положение тогда спасли brave молодые ребята с юга, которые одним решительным ударом сломали дух сопротивления врага и вернули покой в этот город.

Сегодня же весь город готовился к встрече наступающего праздника весны. Колесо жизни неустанно продолжало свой ход. Некоторые

магазины на улице Имама, которые вот уже как несколько лет не работали, были открыты, и их продавцы с радостью угощали тех, кто приехал в родной город для того, чтобы встретить здесь, в кругу близких и родных, наступающий праздник. Уже смеркалось, и мы прибыли к контрольно-пропускному пункту Хорремшехра. Мы показали все необходимые документы и благополучно попали в сам город, который уже боялись никогда не увидеть. По правую сторону от главной дороги всё ещё виднелись земляные насыпи, которые день ото дня под невидимым влиянием погоды становились всё меньше и меньше, но, тем не менее, и ныне заслуженно носили название «окопы сопротивления». Несмотря на то, что весь Хузестан был исполосован вот такими военно-оборонительными сооружениями, оживлённое движение по главным дорогам и магистралям, которые уже несколько раз испытывали на себе движение танковых колонн, свидетельствовало о незыблемости сопротивления и наносило свою живописную краску надежды на этот холст, что изображал картину отчаяния. И эта яркая краска на холсте смогла проявиться лишь благодаря крови тех мучеников, что пали, защищая этот город.

Автомагистраль Ахваз-Хорремшехр – это большая дорога нашего сопротивления, сражения за которую достойны самых героических повес-

тей в истории человечества. Эта дорога никогда не показывает миражей – она лишь отражает живительные воды реки Арванд.

Сгоревшие танки от последней атаки баасистов – это не только говорящий за себя пейзаж, но также наглядное зрелище всей тщетности той философии, которую они представляли из себя– «Я атакую, следовательно, я существую».

Гребень насыпи – это начало той дороги, что подарили Мухсин Сафави и его боевые товарищи для всех остальных воинов, чтобы земля Шаламче удостоилась чести иметь над собою эти звёзды мучеников. Путь Мухсина Сафави – это безмолвное предание о высшем рае, которое стало сокровенною мечтою для тех, кто героически и без каких-либо колебаний жертвовал собою во время операции «Кербела-5», тех, кто под бархатом той синей ночи отправился на встречу со своим Господом...

Ночь мы провели в Шаламче, но спать улеглись прямо на земле.

13/03/1989

Единственное, что из этого города двинулось к нам на встречу при въезде, была тяжёлая тишина. От разглядывания противодесантных заграждений из прутьев и столбов, что были выстроены в окрестностях Хорремшехра, нас отвлек лишь комендантский блокпост при въезде. Эти смотрящие в небо заграждения до сих пор стояли уверенно и гордо. Ещё 7 лет назад, когда Хорремшехр был захвачен баасистами и был назван ими Мухаммара, они выстроили их, чтобы обезопасить себя от высадки наших солдат в этот некогда замечательный портовый город. Однако расчёт врага был ошибочен, и когда они именовали этот город новым названием «Мухаммара», то длань самой судьбы тут же перечеркнула написанное ими, потому как ему не было суждено носить его.

Когда вдали завиднелась центральная мечеть города, мы, как это принято у нас, издали по приветствовали её. Один из фонарей, который освещал пункт бесплатной раздачи еды и угощений, своим мерцанием будто ответил на наше приветствие и поманил нас к себе. После того, как мы подкрепились бесплатным чаем с финиками, которыми нас угостили на этом пункте, мы стояли в самом начале улицы имени Фирдоуси, лицом по направ-

лению к реке Арванд, и глаза наши, глядя на этот город, будто читали приветственную молитву в его честь. Видя своими глазами бесконечные разрушения, что повлекла за собою эта война, мы не могли удержаться от слёз. Ничто не нарушает печальную тишину этого города – ни щебетание птиц, ни звуки дождя, и ничто не может заполнить то опустение, что царит здесь. Город охвачен музыкой траура, мелодию которой не исполнял ни один музыкальный инструмент и слова которого не произносил ни один певец, и тишина – это и есть настоящая музыка, что может передать все грани трагической симфонии, что звучит над ним.

Ноги сами тихо несли нас всё дальше вперёд по улице, которая была вся перерыта разорвавшимися на ней снарядами. Здесь нет ни одной целой стены. Стены из кирпичей только и ждут малейшего щелчка, чтобы осыпаться окончательно. Наперекор расцветшим соцветиям и дышащим новой жизнью деревьям, дома здесь будто пребывали в глубоком коматозном сне – в них не ощущалось никакой жизни. Все улицы, что раньше заканчивались тупиками, ныне открыты сквозными про-ходами. Стоят косяки, в которых нет ни одной двери. Висят синие таблички, что когда-то указывали на то, что в дом проведены газ и свет. На полу стоят наполненные землёю аквариумы, которые,

вместе со своими рыбками, умерли под этими завалами. Дворики стали больше напоминать захламлённые кладовки. Все окна выглядели как глаза ослепшего – в них не проникал свет, и ничто из того, что было внутри, нельзя было через них увидеть. Теперь уже ни один коридор не заканчивается стеной – все они разверзлись и открыли ход дневному свету. Настенные вентиляторы, на которых не осталось ни одной целой лопасти, похожи на игрушечные палицы. Ни одного кусочка стекла не осталось на своём месте. Комнатные зизифусы без присмотра ребятишек давно созрели и окончательно высохли. Деревья во двориках, что остались без присмотра радеющих хозяев, кинули свои ветки через заборы и тяжело слегли на улицы. Декоративные пальмы на улочках высохли и скрутились в форму баранок. Цветы бугенвиллея, словно раны наших мучеников, украшают этот город. О, сколько же порохового дыма впитали в себя эти цветы! И, конечно, этот вид дополняют осколки зеркал, что бисерной россыпью лежат везде на полу и являются свидетелями всему, что здесь происходило.

Несмотря на все события войны, над воротами центральной мечети города сохранилась вывеска, на которой до сих пор можно было прочитать – «Мечети – это оплот души!».

Ржавая люстра неуверенно низко свисала с полуразрушенного купола мечети, в которой в своё время много людей проводили бессонные ночи в молитвах. Деревянный минбар мечети скромно стоял в уединении в одном из её углов. Бессмертные лица Джаханара и Мусави пробудили в сердце знакомую до боли песню Кувейтипура, в которой он говорит:

О, Мухаммад! Нет тебя с нами, чтобы смог ты узреть

Как, все невзгоды пройдя, наш город вновь стал свободным,

Как пролитая кровь выросла множеством красивых цветов...

О, горе нам и беда! Где же ты, о наш брат, Джаханара?!

Это был канун Нового года и долгожданного праздника, но нас, увы, здесь уже никто не ждал. Мы хотели добраться до багрового берега Арванда, но, к своему сожалению, столкнулись с непредвиденной проблемой – наш пропуск на этой территории уже не действовал, и исполнительные солдаты нас просто не пустили туда. Хотя мы и не рвали себе голосовые связки от крика отчаяния, но только Бог знает, что мы испытали бы в том случае, если около центрального банка нам не повстречались бы ребята с ярко-выраженным диалектом из Наджаф-Абада. Они сильно выручили нас и договорились со своими сослу-

живцами о том, чтобы мы, всё же, прошли к берегу.

Того, кто, как нам показалось, был главным среди них, звали Исмаил. Это был высокий и статный молодой человек, на краях губ которого навсегда поселилась лёгкая улыбка. Именно благодаря ему этот отчёт мог быть составлен, потому как иначе мы бы не смогли воспринять дух этого места и передать его письмом. Исмаил со своим радушием и жизнерадостностью успевал везде и всегда. На самом деле, было бы просто замечательно, если бы всей нашей страной управляли бы такие люди, как эти молодцы.

Дело наше разрешилось, и мы благополучно двинулись дальше. По пути мы смотрели на чаек, которые летали вдоль берега реки. Капитанская каюта одного из разбившихся кораблей у берега, который река своим неустанным током уже успела нежно разрезать на две части, служил домом для этих свободолюбивых птиц. Их заунывные голоса будто схватили всё наше внимание и силой доставили его туда, дальше, до другой стороны выстроившихся в стену пальм. Из опорных пунктов прекрасно просматриваются баасисты по другую сторону линии – выстроившиеся в ряд, ничем не отличающиеся друг от друга и растянувшиеся по длине горизонта линии насыпей, немногочисленные солдаты

в них, самые беспечные из которых без задних мыслей рыбачат прямо на дежурстве. По всей видимости, они не испытывали мучений от необходимости удержания боевого пыла ввиду достигнутого соглашения о прекращении огня. Мы, как замороженные, смотрели в воды Арванда. Величавое шествие его волн сопровождалось игривым копошением рыб. Эта бурная река называлась Арванд ещё с тех пор, как легла на строки поэмы Фирдауси «Шахнаме»:

И окунул свой лик он в воды Арванда

Потому как всегда был искателем драгоценного клада...

И сегодня река Арванд – это не просто географическое название определённого объекта в пространстве. Это место, в котором наши мученики навсегда закрывали книги своих деяний и отправлялись на встречу со своим Господом. Арванд – это земля, усеянная именными бирками, которые бились на грудях в такт с сердцами, жившими только ради своего Господа.

Чуть поодаль от воды реки Карун, чьи воды своим цветом напоминают жидкую медь, навсегда прощаются с Арвандом и навечно уходят во владения Персидского Залива.

Позади мы оставили таможду Хорремшехра. Наблюдаемый нами вид был словно воплощение

молчаливого разрушения и запустения. Ракеты и снаряды, которые никогда не имеют право выбора своей цели, изменили облик здания таможни настолько, что оно больше напоминало огромное и нелепое решето. Эта земля никогда не забудет набеги разбойников, в которых по прошествии веков можно наблюдать лишь одно отличие – они облачились в военную форму, но, по сути своей, остались всё теми же разбойниками и грабителями.

Один из пленников иракской армии рассказал нам об этих грабежах следующее:

«Имущество этих замученных притеснениями мусульман также расхищалось самым диким и беспредельным образом. Даже если я применю всё своё красноречие в попытке описать разграбленное нами в те времена, то и тогда это была бы лишь тысячная доля из всего того, что в реальности на тот момент происходило. Изобилие имущества жителей Хорремшехра озадачивало также и наших военачальников – им просто не хватало ресурсов для того, чтобы вывести его полностью в короткие сроки. Было среди них не мало и таких, которые сколотили на этих грабежах и мародёрствах огромное состояние. По этой причине они не испытывали ни малейшего интереса в том, чтобы продолжать службу в армии – чуть ли не каждый день они подавали прошение об увольнении, чтобы дожить свой век в сытости и достат-

ке, что было пределом их приземлённых мечтаний.

Давайте я опишу один из этих случаев и методов, при помощи которого происходило разграбление. С нами служил один солдат по кличке Красный Али, в распоряжении которого был один грузовик. Каждый божий день он делал по несколько ходок от иракского города Басры до иранского Хорремшехра, за которые перевозил награбленную мебель и предметы домашнего интерьера и сбывал на месте в родном Ираке. Таким нехитрым способом он сумел, в конечном счёте, собрать огромный капитал. В последний раз, когда я его видел в своей жизни, он вёз на продажу украденную корову и мотоцикл. Да, иракское правительство создало орган, который был призван регулировать подобные вопросы с той целью, чтобы извлекаемая выгода не утекала мимо бюджета самой страны, и возглавлял этот орган бригадный генерал Аяд Шабан, однако остановить поток вывозимого из Хорремшехра имущества они никак не могли. Как ни странно, те самые люди, которые должны были бороться с грабежами и мародёрствами солдат, сами только этим и занимались – за три месяца при содействии чиновников Басры они смогли полностью опустошить все магазины и склады этого города. После этого они уже принялись грабить ценные вещи из домов обыч-

ных людей. Большая часть награбленного была освоена предста-вителями власти в лице безбожника Саддама Хусейна.

Во всех этих событиях был один весьма интересный факт, о котором я хочу вам рассказать. Дело в том, что некоторые жители Басры ни в коем случае не хотели приобретать для себя товары, что были привезены из Хорремшехра, и считали подобное для себя совершением греха. В то время огромное количество магазинов, лавок и торговых переходов Басры были полны завезёнными оттуда товарами и их можно было приобрести по весьма выгодной цене. Некоторые верующие люди вообще ничего не покупали из государственных магазинов, даже если товары их были упакованы и запечатаны, потому как была хотя бы вероятность того, что они имеют отношение к мусульманам из числа жителей Хорремшехра.

Так вот, я рассказывал вам об уполномоченном офицере по кличке Красный Али. Дело в том, что вскоре после того, как он женился, судьба отплатила ему по заслугам – его дом сгорел вместе со всем имуществом внутри него, которое он так отчаянно скопил на горе жителей Хорремшехра. Однако же, на этом череда его бед не завершилась и позже с ним случилось то, что должно было бы стать наглядным примером и уроком для всех осталь-

ных военных, которые не брезговали наживой на чужом несчастье. Когда Красный Али в очередной раз вместе со своим сослуживцем, изрядно выпившим непосредственно перед дорогой, ночью перевозил скарб из Хорремшехра на грузовике, то последний, не справившись на одном из поворотов с управлением, направил машину прямо в бурные воды реки. После этого их больше никто и никогда не видел.

Был ещё такой случай, что два офицера иракской армии, которых мы звали лейтенант Латиф и лейтенант Ахмад Шакир, обязали несколько солдат вместе с помощниками первого собирать для них, как они выражались, трофеи. После этого они должны были отвезти их в Басру и сбывать на местном рынке. С целью исполнения приказа вышестоящего начальства солдаты совершали свои рейды в ночное время суток – они отовсюду собирали всё, что только могли найти, грузили это на грузовик и, когда в достаточной, на их взгляд, степени загружались, везли всё награбленное в Басру. После сдачи товара эти солдаты отдавали все вырученные деньги своим начальникам, оставляя себе какие-то гроши со всей прибыли. Было даже такое, что они утащили из одной мечети Хорремшехра минбар и также

продали его...»¹.

В ту ночь мы гостили у солдат, которые были родом из Наджаф-Абада, что находится в окрестностях Исфахана. Они накрыли для нас чудесный стол, и скатерть его была также чиста, как воды Арванда, дабы животы наши насытились так же, как глаза от лицезрения этой прекрасной реки.

После того, как мы отведали крепкого чая, что был заварен на воде из Хорремшехра, мы приступили к разговору с тем самым Исмаилом, отличавшимся, как мы говорили, заметною высотой в теле. Мы ждали от него, что он расскажет что-нибудь из тех случаев, что произошли лично с ним, или хотя бы с людьми из его подчинения, однако он поведал нам о том случае, что произошёл с Хусейном Харрази, в котором и сам он принимал непосредственное участие:

«Эта операция называлась "Кербела-5". В тяжёлых боях нам удалось сместить вперёд линию фронта, и мы закрепились за одним из судходных каналов. Наши силы вели из этой точки огонь 106 миллиметровым безоткатным орудием М40. Как раз напротив от нас была дорога, по которой проезжали вражеские танки, и мы объявили на них охоту. Наша

---

¹ Муртаза Сарханги, Секреты навязанной войны в рассказах иракских пленных, стр. 238.

позиция как нельзя лучше подходила для ведения огня, благодаря чему нам удалось подбить немалое количество техники. Как раз в это время к нам прибыл Хусейн. Он тут же окинул взором открывающийся с нашей огневой точки вид. Увидев горящие поодаль танки, он только и воскликнул с искренней радостью на сердце «Молодцы!». Он был явно доволен нами. Его эйфория была столь сильной, что он решил лично вести огонь по неприятелю, против чего мы, конечно же, все дружно начали протестовать, ведь никак нельзя было сравнить смерть кого-либо из нас с его смертью. Однако же, он был неумолим, и упёрто твердил о том, что, как бы там ни было, он обязательно должен лично несколько раз выстрелить по вражеским танкам. В конце концов он сделал то, что задумал. Насколько я помню, он выпустил от 10 до 15 снарядов. Если честно, то тревога за него меня одолела ещё в самом начале, как только он вознамерился стрелять. Уже после 3 или 4 выстрела из М40 сряду вражеские танки тут же определили точное местоположение нашей огневой точки и начали вести по нам огонь. Хусейн был неумолим и не собирался сворачиваться лишь по той причине, что его сейчас могут подстрелить. Наконец я одним прыжком взобрался на джип и заслонил собою пушку, после чего Хусейн был вынужден прекратить стрельбу и спуститься

вниз. Тогда-то я и видел его в последний раз». В тот вечер древо рассказа Исмаила распустило свои цветы, дабы прекрасный аромат о памяти тех дней, когда наши воины проводили весну своей молодости в боях, не ускользнул от обоняния тех, кто в своём повествовании должен был излить всё это на бумагу в виде отчёта...

Однако Исмаил и те ребята, что были с ним, даже не подозревали, что враги в своей информационной войне, с целью деморализации нашей нации, слагают о них и о тех суровых днях, что им пришлось пройти, самые разные небылицы: «Это было время, память о событиях которого целое поколение вынуждено до самой смерти носить в своем сознании тяжёлою ношей, поколение, представители которого потеряли себя среди вражды, агрессии, несбывшихся надежд и безнадежно разрушенной утопии наивного юношеского мировоззрения, что превратилось в свалку душевных и психических недугов. Это болезненная ностальгия, которая скорее приносит мучения, чем радость»².

---

² Еженедельная газета «Соруш», суббота, 18 февраля, 1989 года.

Несмотря на поздний час, нам надо было возвращаться в Ахваз, в том числе и для того, чтобы оформить пропуск в Абадан. Мы душевно попрощались с этими ребятами, которые воевали по священной традиции нашего Пророка, и отдельно попрощались с Исмаилом. Когда мы выезжали из Хорремшехра, наш путь, как и вчера, был освещён мягким и нежным свечением мерцающих звёзд. Синеватый бархат на небе Шаламче, как всегда, был подобен настоящему букету любви, о котором можно слагать самые распрекрасные стихи.

14/03/1989

Пока мы ждали под пальмами на территории комендатуры, мы не могли избавиться от приставшего и никак не отстающего липкого сна – нас одолевала зевота, и причиной тому было совсем не то, что мы мало спали. Было такое ощущение, будто Абадан вовсе не был нам рад. Несмотря на все старания местных служащих, пропуска в Абадан нам могли предоставить лишь на следующее утро.

Лёгкий праздничный ветерок Ахваза нежно ласкал пальмы от самого низа до устремлённых в небо листьев, спокойные звуки которых мягко заполняли собою окружающий фон. Не было дождя, но и небесную синеву за облаками тоже нельзя было разглядеть. Эта погода как нельзя кстати подходила для того, чтобы посетить то место, где был убит Мустафа Чамран. Поездки до деревни Дехлавие, что располагается к северо-западу от города Сусенгерд в Хузестане, больше нельзя было откладывать. Мы двинулись в путь.

Маленькое строение, что напоминало гробницу и располагалось недалеко от обочины на трассе Сусенгерд-Бастан, – это ничтожное указание на человека, который был, поистине, великим воином ислама. Горечь в наших сердцах по этому поводу усилилась вдвое, когда на центральной площади Сусенгерда мы увидели пустоту на

том месте, где, по всем правилам, должен был стоять силуэт мученика Чамрана – не было ничего, что говорило бы об этом великом человеке. Пройдя от трассы и до самой гробницы с земли мы собрали только липкую грязь. Мы стояли рядом со старым и блеклым указателем. Восьмилетние окопы и насыпи, что исполосовали всю эту пустынную местность, заграждали путь реки Керхе к этой могиле и отводили её в сторону. Очень жаль, что они не могут поведать нам всего того, свидетелями чего они стали за эти многострадальные 8 лет, дабы мы смогли передать всем читателям больше сведений о событиях тех лет и о том человеке, который вдохновлял собою на борьбу тысячи молодых людей. Рассказать о том человеке, который сам заменял тысячу воинов и нашёл свой славный конец на этой земле. О человеке, стихии которому посвятил не один поэт. И наше перо, уважаемый читатель, однажды имело честь написать о нём:

Дар на вечную память от луны влюбил до
безумия в себя

Южное небо со всеми звёздами на нём

И светом своего серебра неустанно

Чеканит монеты с именем любви к себе и в
честь себя.

В канун окончания весны

Под траурное пение звёзд

Клича «Аллаху акбар!» устремляются навстре-

чу осени

Дабы луну из Дехлавие сопроводили звёзды под
свою самую печальную элегию прямо до южного
неба.

Дождь из слёз в том месте, воздух которого
наполнен жаром и влагой, льётся не зря.

Сердце этих небес

Это хранилище тех мгновений,

Когда тихая ночная молитва звёзд

Причалила к его берегам.

О если бы это сердце разорвалось на части,

И языком этих ярких и серебряных лучей

Тихим шёпотом повторила бы истории тех
мгновений;

Напомнила бы о той бесконечной любви...

Но великий поток с поклажею из света серебра

Устремился вслед за луною из Дехлавие –
Чамраном.

• • •

Ну а сегодня мы говорим:

Дым очагов деревни Абу Хумайза,

Вольными стадами полны весенние луга,

Молодые девушки, что мирно пасут стада

И омываемая свежим ветерком трава...

Знали бы мы этот мир таким, если бы не ты,
Чамран?

15/03/1989

Глядя издалека на Абадан, нашим глазам предстала картина из высоких серебристых высоковольтных башен и зелёных пальм, и в уединении стоял завод по очистке нефти, из труб которого уже давно не поднимался чёрный дым. Этот вид открылся нам на рассвете ещё до того момента, когда мы получили свои пропуска в Абадан.

Этот город, точно так же, как и Хорремшехр, начинается с видов разрушения, но есть и отличие – это бросающиеся в глаза люди в приметных рабочих формах нефтяной компании, которые трудятся в поте лица с надеждой на восстановление своего родного города.

В городской ратуше было ещё больше людей, чем мы предполагали. Все эти служащие были так заняты, что наш фотограф не смог даже ничего вымолвить о том, чтобы попросить об одной совместной фотографии, что тут уж говорить о том, возможно ли было попросить их об одном интервью в спокойной обстановке. Саид Садеки, наш фотограф, делал снимки того, что было внутри, в частности огромного креста на стене, в который попал большой осколок разорвавшегося неподалёку снаряда. По этому кресту мы поняли, что ранее это здание было церковью, которая ныне стала ратушей, и

до исправления несоответствия функции здания с наличествующей религиозной символикой внутри него, видимо, ни у кого просто не дошли руки. В этот самый момент мы познакомились с Махмудом, который был весьма позитивным молодым человеком. Это был человек с круглой головой, обстриженной так, будто он новобранец. По манере его походки было понятно, что он также работает здесь, ну или, как минимум, является здесь далеко не редким гостем. Видя то, как мы стоим здесь как неприкаянные, и почувствовав себя в какой-то мере ответственным за такое пренебрежительное отношение к нам, Махмуд всеми силами пытался скомпенсировать это. Его общительный настрой в конце концов привёл к тому, что он поведал нам свою историю войны:

«Мне было десять лет, когда война началась. До начала учебного года оставалось всего несколько дней. За день до этого мы с матерью купили мне на рынке новый школьный ранец красного цвета. Знаете, я был от него просто в восторге, но... Но сегодня не то, чтобы от того ранца, но даже от нашего дома не осталось ничего – его сожгли, а на каком конкретном месте раньше был наш маленький сад ныне нельзя даже разобратъ.

Я, более чем где бы то ни было в другом месте, любил проводить время в этом нашем малень-

ком саду. Там были посажены одна пальма, один красный туювник и ясень. Несмотря на ту разруху, что царит на месте нашего дома, я до сих пор временами хожу туда, чтобы увидеть то место, где я, можно сказать, вырос.

Как только началась война, мы всей семьёй отправились в Исфахан. В то время более всего я тосковал по своим друзьям.

Когда я немного подрос, я провёл на фронте 12 полных месяцев, а начиная с 1987 года и до сегодняшнего дня я живу в Абадане. Если честно, мне здесь нравится. Недавно я ходил к тому месту, где когда-то был наш дом. Задняя комната более или менее осталась в сохранности, и там я нашёл тот самый, уже растрёпанный, красный ранец».

Махмуд ещё не успел закончить свой рассказ в той мере, в которой он хотел это сделать, как к нам присоединился некий человек, которому он учтиво предоставил возможность отвечать на наши вопросы. Его звали Кербелаи Хусейн. Сразу было видно, что человек этот обладает чистым сердцем и успел увидеть на своём веку очень много. Он был как олицетворение памяти обо всём том, что происходило в Хорремшехре, прямо как зеркала этого города.

Мечеть имама Мусы ибн Джафара непосредственно примыкала к этой церкви, но в саму церковь нас не пустили. Кербелаи Хусейн был служителем этой мечети, и он всегда оставлял

её открытой, а не только тогда, когда наступало время молитвы. Он учтиво пригласил нас в местную буфетную, в которой имелась даже какая-то мебель, и потчевал нас всем, чем только мог. Хусейну было 47 лет, но борода его уже была вся белая, как свежий снег. Он с удовольствием принялся отвечать на наши вопросы и поведал нам следующее:

«В тот момент, когда иракская авиация впервые прилетела бомбить Абадан, я как раз занимался ремонтом велосипедов, чем я и промышлял. Помимо этого, я иногда ремонтировал мотоциклы и имел свой небольшой магазин.

За несколько дней до этого разные люди мне говорили о том, что война началась или вот-вот должна начаться, что мы находимся на её кануне, но когда я своими глазами увидел, как истребители бомбят нефтеперерабатывающий завод, то тут сомнений никаких уже не могло быть – война уже точно началась. Вслед за этой бомбёжкой снаряды начали пускать и по наши души. Тогда мы не имели даже представления что это такое – разрывные снаряды, а просто понимали, что нечто упало на дома наших знакомых и разнесло их на части, и, конечно же, убило всех, кто в них находился. Один из наших соседей по имени Дарьяголи, который занимался продажей подержанных товаров и запчастей, владел землёй вблизи

от горы Зуль-Фигар, где и находились все его товары. Как только он узнал о том, что иракцы начинают атаковать Абадан (не знаю, передал ли ему это кто-то другой, или же он сам увидел надвигающееся войско), он тут же второпях пришёл сюда, как и все те люди, которые узнали о надвигающейся войне в Абадане. Мечеть стала местом собрания огромного количества людей, но у нас не было оружия в необходимой мере. Видимо, таково было провидение Самого Бога, потому как иначе представить, что мы в те времена смогли отстоять Абадан при помощи нескольких винтовок серии М1 и G3, просто невозможно. По радио передавали все необходимые установки и просили народ оказывать помощь в содействии. Весь город тогда находился в большом волнении.

Начиная от полицейских и заканчивая женщинами – все выступили на борьбу. Даже совсем юные дети чуть ли не с пустыми руками со всем отчаянием ринулись на врага. Много женщин и девушек поступили тогда на курсы оказания первой помощи и полевого врачевания, чтобы быть в состоянии хоть как-то помочь сражающимся. Ходили также слухи о том, что каждая из медсестёр в больницах носит с собою таблетку цианистого калия на тот случай, если, не дай Бог, они попадут в плен к иракцам – все были наслышаны обо всех преступлениях и бесчинствах, что творились

ими в оккупированном Хорремшехре. Было где-то пять часов утра, когда нам передали весть о том, что по иракцам нанесли мощный удар и было убито множество из их солдат, а те, кто уцелели, в спешке ретировались. Затем, примерно в одиннадцатом часу утра, по радио сообщили, что иракцы были отброшены назад. Спустя короткое время я вновь приступил к привычному для себя делу – ремонту велосипедов.

Вы даже не можете себе представить какие невзгоды легли на плечи наших ребят. В новостях о них практически ничего не было сказано – только лишь поверхностные намёки и описания того, что они делали. В этой самой мечети, в которой вы находитесь, много людей умерло мученической смертью. Со всех концов Ирана люди стекались сюда и были гостями именно этой мечети, и немало из них вскоре отправились в свой последний путь. Одним из них был молодой человек по имени Аббас Бахтиярния, который охранял эту мечеть, и во время своей службы он всё время поминал Бога. В одну из ночей, как он рассказывал на следующее утро, он видел сон, в котором ему приснилось, что в него попала пуля, вошедшая в его тело в области груди и вылетевшая напролёт через его спину. Когда мы услышали об этом его сне, то начали настаивать на том, чтобы он взял отпускной, но мы так и не смогли

его убедить в этом. В тот же день, когда он нёс службу, в тот самый момент, когда он поднимался по лестнице у входа в мечеть, недалеко от этого места упал разрывной снаряд, и его накрыло дождём осколков. Я побежал к нему, не успев даже обуться. Ещё не дойдя до дверей я ощутил на ногах тепло от его крови. Вы не можете себя представить какое горе я испытывал тогда... Ребята всё говорили, что сон его был вещим – он стал мучеником, как он увидел это в своём сне».

В этот момент началось чтение священного Корана, которое происходит непосредственно перед началом азана – призыва на молитву. Кербелаи Хусейн тут же прервал свой разговор на полуслове и приблизил свой маленький радиоприёмник, в котором уже начался азан, к микрофону мечети, чтобы все услышали его и поторопились для совершения молитвы. После этого он продолжил свою речь:

«Прошу вас, обязательно напишите об этих добровольцах, чтобы люди осознали хоть в какой-то степени весь тот ценнейший вклад, что они внесли в наше общее дело. Ни в коем случае нельзя позволить, чтобы их подвиги остались в неизвестности! Если завтра, не дай Бог, опять начнется война, никто не сможет заменить нам этих ребят. Друг, обязательно напиши о них, чтобы им помогли и другие. Эти ребята, которые, к своему сожалению, не

стали мучениками на этой войне – их надо ценить и отдавать им должное! Ни в коем случае нельзя позволить случиться такому, чтобы они оставались бездеятельными и не при делах. Мы нуждаемся в таких людях, как они».

Незамысловатая и простая речь Кербелаи Хусейна, что исходила из глубин его сердца, в своём величии была схожа с морской волною, что увлажняет сухой берег желания нашего познания. После того, как он закончил, мы сделали с ним совместный снимок на память на фоне многочисленных фотографий погибших, после чего распрощались с этим замечательным человеком. Хотя и погас свет его очей, но огня веры в его сердце хватило бы, чтобы зажечь сердца целой нации для оказания сопротивления даже самому страшному врагу.

Юный Махмуд, который находился в рассвете своих сил и пылал жаждой жизни, что было заметно в каждом движении его тела, пригласил нас на обед в недавно выстроенную школу имени имама Джафара Садыка. Мы, естественно, с большим удовольствием приняли его приглашение. Эта школа сама по себе хранила в себе отдельную историю, о чем мы узнали уже после трапезы. В школе этой нас угостили блюдом под названием «пормелат», которое было похоже на густой суп, и за ним последовали несколько стаканчиков обжигающего и терпкого чая. Мы узнали, что это

двухэтажное, возведённое на совесть строе-
ние было единственным в городе, которое было
построено под иракскими ковровыми бомбарди-
ровками прямо во время военных действий. Об
этом нам рассказали местные столяра из
Исфахана, которые занимались гидроизоляцией
окон и дверей в этой школе. Помимо прочего они
также поведали нам о том, что главным в этой
школе является человек по имени Дехдашти,
левую руку которого ампутировали в резуль-
тате ранения бомбой, разорвавшейся прямо на
территории школы. Кроме того, как они
рассказали, был здесь один строитель, кровь
которого оросила землю вблизи фонтана – в
него также попало несколько осколков.
Строитель по имени Али Мальгярд работал для
возведения этой мечети несколько лет в жару
и в холод, и даже тогда, когда он соблюдал пост
в месяц Рамадан, он усаживался на строитель-
ных лесах и окрашивал лобную часть классов и
комнат общежития для учащихся в бирюзовую
краску. Руками этого маляра и по совмести-
тельству каллиграфа из хузестанского Дизфу-
ля на стенах ближе к потолку были аккуратно
вырисованы аяты священного Корана, дабы те,
кто будет здесь учиться в будущем, всегда
помнили заветы последнего Божьего писания.
Мы сопроводили Махмуда до самой ратуши,
рядом с которой и распрощались с ним. Сразу

после этого мы решили посетить те районы города, которые были опустошены вследствие войны. Разрушений здесь, в Абадане, было не меньше, чем в Хорремшехре. Бомбы и осколочные снаряды везде оставили свои зияющие пустотою в воронках отметины. Заводы и фабрики полностью утопали во вьюнках и различного рода растениях. Грубые и корявые осколки снарядов не могут бороться с нежностью этих цветочных растений, что медленно покрывают всё собою.

Бескрылые самолёты, ставшие убежищем для множества птиц, в которых они вили свои гнёзда, безжизненными грудками лежали вдали. Сквозь серую дымку воздуха мы смотрели на заброшенный аэропорт Абадана. Сколь много могла бы рассказать гора Зуль-Фигар о тех днях, когда враг вступил на эти земли, чтобы поработить наши города. Искаженный и разбитый лик Абадана и Хорремшехра как нельзя точнее можно было лицезреть в переливающейся водной глади Каруна.

• • •

Мы покидали Абадан в тот момент, когда сквозь серый туман начинал обильно сочиться живительный дождь, и мы вернулись так же, как и пришли – вслед за дождём.

РЕПОРТАЖ ВТОРОЙ

Улица Занбак

29/11/1989

Был сильный туман, настолько, что казалось сами густо-серые облака спустились на землю. Плотная пелена облаков, что покрыла землю, и багровые цвета разросшейся бугенвиллеи доводили картину южной осенней ночи до предела совершенства её красок.

Из плотной влажности этого тумана легко можно было понять, что его нежные слёзы будут витать в воздухе и ложиться на город до самого утра. В непосредственной близости от города располагался порт. Когда-то здесь было очень красиво – он был весь в парках и весёлой живности, однако теперь здесь царит только лишь разруха. Уже не слышны здесь басистый рёв корабельных сигналов и звонкое пение морских птиц. Белые чайки сидят на покошеных мачтах разбитых кораблей, смиренно ожидая наступления перемен, когда матросы вновь щедрою рукою будут давать им угощения. Этот порт, несмотря на весь тот ущерб, который был ему нанесён в ходе войны, несмотря на все те чёрные раны на его теле, которые пропахли запахами взрывов и огня, каждый год 24 мая, наряжаясь в кристально чистые воды Арванда и белоснежный бархат птиц, в радостном спокойствии ожидает наступления готовящегося праздника своего возрождения.

Туман всё усиливался. Мы проходили одну улочку за другой, которые до сих пор были исполосованы уже заметно уменьшившимися насыпями, похожими уже скорее на детские укрытия во время ребяческих игр. Некоторые были окрашены кровью в багровый цвет, и удивительным было то, что и сегодня она была такой, будто пролилась на них только что. Было такое чувство, что двери домов, которые были раскрыты настежь, приглашали нас войти, будто от своего одиночества они уже были готовы заговорить с нами.

Наконец мы дошли до одной из главных улиц. Вдали виднеется большая подвешенная лампа, которая, раскачиваясь, будто машет нам. Вместе с туманом, который никак не хотел отпускать нас из своих объятий, мы двинулись по направлению к этому фонарю. В стороне мы разглядели овощной магазин, у которого стояли несколько ящиков с товаром. В этот поздний час, несмотря на этот густейший туман, некий человек со своим сыном стояли у прилавка и надеялись завлечь покупателей светом этой лампы, которая должна была служить сигналом к тому, что они открыты. Они поприветствовали нас, и голос их выдавал в них выходцев с юга – в их речи можно было распознать сильный диалект южан.

Отсюда мы видим вдали освещённые минареты центральной мечети. Идя по этой улице, мы

достигаем бульвара, вдоль которого посажены деревья эвкалипта. Вчера с утра, когда мы пешком шли к этой мечети, мы сполна надышались ароматом миндалевидных листьев этого ароматного растения. Бульвар этот был довольно-таки оживлённым. Горящие путеводным светом два минарета почему-то напомнили нам сыновей семьи Пурхайдари, у которых мы гостили часом ранее. Это были два пожилых человека, дети которых пали мучениками в прошедшей войне. Памятные фотографии стояли в углу их комнаты, которая была единственной в их скромном жилище.

Найти этот маленький дом было очень сложно. Если бы не молодые телеграфисты, которых мы встретили рядом с аллеей героев и мучеников, то, скорее всего, наше перо никогда бы не удостоилось чести писать об этих, поистине, великих людях. Никогда бы мы не написали об этом маленьком доме, который непосредственно примыкает своими стенами к мечети и хранителем которого является Сам Бог, кроме которого у этих людей нет уже никого, об этой матери героине, которая и сама была участницей той войны, в которой люди воевали чуть ли не голыми руками против хорошо вооружённых врагов, о хозяйственной и бережливой женщине, которая в первые 26 дней после начала войны была самым близким человеком для всех женщин Хорремшехра, что

были ранены или пали мученической гибелью, о матери, на груди которой висят две медали, и каждая из них была дана за павшего в бою её сына.

Итак, мы передаём вам то, что она поведала нам о событиях тех дней:

«До 17 октября мы находились в Хорремшехре. В ночь на 18 октября наши солдаты вывели меня из города. За то время, что я находилась в городе, я перетаскивала раненных и погибших женщин. Окоп моего сына, в котором он держал позицию, был прямо на нашей улице. Ныне этого окопа там уже нет. Прямо на этой улице Талегани произошла рукопашная схватка. Мои сыновья – Муртаза и Мухаммад – были тогда вместе с нашими ребятами на той улице...

Хорремшехр не сдавался. Внутренние враги и иракская армия привезли оттуда столько оружия, что его нельзя было сосчитать. Иракских солдат было очень много...

Муртаза и Мухаммад один год держали оборону в деревне Кут-Шейх, пока не началась операция «Бейт аль-мокаддас», в которой Муртаза и пал смертью мученика...

Среди нас была также одна молодая девушка, которая помогала мне омыwać тела погибших. Спустя несколько дней после того, как она начала работать со мной, к нам привезли её отца и брата, которые тоже были убиты. Их захоронили на этом же кладбище...

Мы грузили тела наших погибших в рефрижераторную машину, которая увозила их в другие города. Ныне они захоронены как неизвестные солдаты...

У нас просто не хватало времени для того, чтобы рыть отдельную могилу для каждого погибшего, и поэтому мы складывали по несколько тел в одну...

Через одну неделю после того, как мой младший сын Муртаза умер, по радио объявили о том, что нашими силами от врага был освобождён Хорремшехр. В тот момент я находилась в Абадане. Я никогда не отчаивалась в том, что Хорремшехр наконец будет освобождён. В этот радостный для всех нас день я заколола одного барана и приготовила из него угощение...

Уже после освобождения Хорремшехра я вернулась в этот город, после чего занималась тем, что собирала кости павших мучеников, что были разбросаны повсюду...

Без ритуального омовения нельзя было войти в этот город - каждая пядь его земли была покрыта кровью павших...

Я очень прошу вас - будьте осторожны и не позволяйте случиться такому, чтобы противники нашей Исламской революции пришли к власти. Обязательно передайте мои слова тем, в чьей власти регулировать такие вопросы: нельзя допустить того, чтобы вся наша борьба

и все наши жертвы стали бы напрасными. Они обязательно должны знать тех, кого назначают на ответственные должности, и быть уверенным в них...

Этими своими руками я вытащила немало тел погибших прямо из земли...

Из всех этих тяжёлых дней, которые принесла нам война, самым горестным для меня был тот день, когда я увидела сгоревшее тело своего Мухаммада. Его убили при исполнении операции "Кербела-5". Я очень сильно хотела поцеловать своего сына, но абсолютно всё его тело было обуглено. Я просто не смогла этого сделать...". Вокруг царила атмосфера спокойствия и умиротворения. На лице этой женщины был виден след от той ноши, которую она носила все восемь лет войны.

Она медленно встала и направилась к памятной комнате своих сыновей. Подойдя, она отодвинула кружевную занавеску розового цвета и вошла в комнату. Через какое-то время женщина вернулась с рамками в руках, в которых были фотографии двух мучеников – Муртазы и Мухаммада. Оба они – молодые и красивые. Их лица так и пылают свежей молодостью. Один только Бог знает, сколь многим мы обязаны этим молодым людям, которые погибали на войне, и мы точно не в состоянии осознать этого сполна.

Тут произошло нечто неожиданное – после этого мать семейства Пурхайдари взяла рамку с фотографией имама Хомейни, прижала её к груди и начала горько плакать перед нами – людьми, которые были для неё посторонними. Среди звуков её плача мы различили и её слова:

«С тех пор, как имам покинул этот мир, ни одна слеза из моих глаз не была пролита по моим сыновьям. Я оплакиваю только его».

Её слова сильно тронули нас. Казалось, будто мелкие водяные частицы тумана сохраняют всё, что она говорит, и уносят её речь туда, где павшие мученики смогут её услышать...

Когда женщина начала плакать, отец семейства, который сидел всё это время молча, решил взять слово и начал своё повествование: «В тот момент, когда я пришёл домой и услышал о том, что оба моих сына погибли, я не пролил ни одной слезы.

Ещё до этого я какое-то время регулярно получал от них письма, но в один момент почувствовал, что как будто бы почерк их изменился. Оказывается, это дочь писала от их имени, чтобы я не огорчился по поводу их смерти, но я тогда не догадался, что эти письма были не от них.

Ещё раньше, когда война только начиналась, я стоял у себя во дворе в одной летней рубашке. Вдруг неожиданно над головой я услышал свист пролетевшей пули. Не успел я ничего осознать и

предпринять, как иракцы, которые уже были внутри Хорремшехра, арестовали меня и увели с собою. След от той пули на стене сохранился до сих пор. Я покажу вам его, как только выйдем на улицу.

На самом деле, иракцы проникли в город ещё до того, как об этом узнали все с началом войны. Дальше по этой улице жил один иракец, принадлежавший к террористической организации «Хальк аль-араб», который втайне держал у себя от 10 до 15 иракский солдат, и такие тайные убежища у них были по всему городу. Когда меня пленили, на той стороне границы меня хотели расстрелять. С тем человеком, который был со мной, они так и поступили – я своими глазами видел, как он умирает, и, можно сказать, сам смотрел в глаза смерти. Меня и ещё одиннадцать человек шесть часов держали в каком-то доме, который находился неподалёку от нововозведённого моста. После этого нас отвели в иракскую местность под названием «Зубайдат», и там начался мой плен длиною в четыре долгих года. В первые дни плена нас держали в сплошном бетонном доме. Нас там было человек 250. Каждую ночь кто-то умирал – кто от голода, кто от холода. На этом, можно сказать, кладбище мы провели 50 дней.

Затем нас отвезли в Багдад, где нам выдали одежду для заключённых, после чего отправили

рейсом до города Мосул. Нам не предоставляли даже самых элементарных удобств и условий простого существования. Еда, которой нас кормили, была всегда скудная и в очень малом количестве. Избиения были ежедневной нормой. Один раз меня избили так сильно, что у меня в последствие начались серьёзные проблемы с глазами и челюстью. Вследствие этих травм по возвращении в Иран я лёг под операционный нож. Знаете, пока мы были там, мы тоже не сдавались и оказывали сопротивление, как только могли. Мы не смотрели их телевидения, дабы не набратсья всей их агитацией, не занимались рабским трудом, к которому они тщетно пытались нас принудить, и не ходили на их зияраты³. Однажды был и такой случай, что на дне одного из выстроенных нашими ребятами бетонных водохранилищ кто-то большими буквами написал слово «Иран».

Когда я вернулся в Хорремшехр вместе с группой других нетрудоспособных пленников, мне было уже 58 лет. Тогда-то мне и сообщили о том, что оба моих сына стали мучениками...».

В тот момент, когда мы вышли из дома семейства Пурхайдари, мы уже не могли удерживать

---

³ **Зиярат** (араб. — посещение) — паломничество к святым местам (могилы пророков, святых, шейхов, имамов, а также само обозначение этих святых мест.

свои слёзы и прийти в себя. Как возможно такое, чтобы этот огромный мир загнал этих замечательных людей на маленький сорокаметровый участок, после чего сделал так, чтобы весть о них не вышла за предела этой улицы – Занбак?

• • •

Отголоски посвященных павшим в боях стихов покрыли собою всю площадь центральной мечети. Авторы этих стихов были неизвестны, но по содержанию своему эти стихи указывали на то, что родиться они могут только от чистого сердца, пропитанного осознанием величия того дела, за которое умирали все эти люди. Эти стихи были будто ароматным букетом цветов, подаренным в знак уважения и признательности всем мученикам и героям, похороненным в Хорремшехре. Отныне и до скончания веков эти стихи, облачившись в воинскую форму, будут охранять памятную комнату семейства Пурхайдари, все улицы, подобные улице Занбак, города, подобные Хорремшехру, и память о героях, как Джаханара, Мусави и другие не менее славные в своей доблести и героизме. Они будут охранять их, дабы следующие поколения никогда не предали забвению тех, кому они обязаны своей жизнью и существованием.

Хорремшехр, вблизи от которого, словно река Арванд, протекают стихотворные газели, тогда как и сам тот город – бесконечная касыда, ныне призвал к себе в помощь поток рифмующегося слога, дабы вместе сообща сложить стихи про эту бесконечную касыду. Это касыда, которую, щедро орошая своей кровью страницы славной истории, писали мученики, вплоть до самого освобождения Хорремшехра, и ныне продолжить её должно перо, на месте которого ещё вчера были пулемёты.

Солдаты и воины сочиняли о Хорремшехре стихи, которые декларировались во всех уголках страны. Авторы некоторых были малоизвестными, других – анонимы. Писались они на самых разных диалектах и каждый на свой лад, так, как умел и как подсказывало ему его сердце.

30/11/1989

Мы поднимались по узкой лестнице, которая вела в комнату Мухаммада Мешхеда. Ещё вчера вечером мы договорились с ним, что сегодня с утра мы навестим его, чтобы выслушать его рассказ. Мы хотели услышать о событиях ещё тех времён, когда центральная мечеть была местом сбора и подготовки людей, которые боролись против вторжения иракских агрессоров. Мухаммад Мешхеда за свою жизнь увидел много разного и является живым свидетельством о войне. Он воочию видел вторжение, с которым мы боролись долгих 8 лет. Далее мы приводим рассказ этого человека: «Первый миномётный снаряд упал на переулке Талегани 23 сентября в 5 часов утра. В тот момент я находился в кафе. В тот день мы так ничего и не продали.

Ещё за три-четыре месяца до этого члены организации «Хальк аль-араб» чуть ли не каждый день устраивали теракты и всяческого рода безобразия в разных частях города. Их снабжали и спонсировали из Ирака. Люди постепенно эвакуировались из города. Вплоть до 30 сентября мои жена и ребёнок находились в городе, но оставаться более уже было нельзя, и я отправил их в Махшехр. К 16 октября в городе уже почти никого не осталось. В тот день иракцы вторглись в город, но наши ребята

сумели отбросить их назад. Позже они вновь зашли в город, но уже через другую сторону.

19 октября ближе к вечеру, примерно в четвёртом часу, к нам пришёл некто и сказал, что Хорремшехр пал, а мост контролируется неприятелем. Тем не менее, мы остались в городе. У нас был один радиотелеграф. Всего нас было несколько гражданских и несколько военных.

Да помилует Всевышний мученика Джаханара! Как же рьяно он трудился для общего дела! Всегда и везде он был впереди всех. Я знал его ещё с тех пор, когда он был совсем маленьким. Его отец торговал на базаре. Некоторое время он также занимался портняжеством.

Да смилуется Всевышний над Бехрузом Муради! Он не боялся ни пуль, ни снарядов. Он всегда говорил: "Мы будем биться до тех пор, пока силы наши не иссякнут. Если же нас убьют, что ж, мы станем мучениками, но никогда мы не сдадимся им в плен!".

Джаханара покинул город, взяв с собой 11 человек.

25 ноября после полудня при помощи нашего радиотелеграфа нам удалось установить связь с военно-морскими силами. Я сказал им: "Окажите нам хоть какую-нибудь помощь. Мы находимся в центральной мечети", на что они ответили: "Мы ничем не можем вам помочь". Тогда мы чуть было не отчаялись, но тут один

из них вызвался добровольцем, чтобы вызволить нас из города. Время было назначено на полночь.

От мечети до самого берега реки мы не встретили ни одного иракца. Рядом с рекою нас ждал один юноша, на котором из верхней одежды была лишь майка. В третьем часу после полуночи мы достигли обратной стороны реки. Пятеро из нас не поместились на судне, и они решили плыть сами. Двое из них так и не доплыли до берега. Я знал их обоих. Один из них был сапожником, другой грузчиком.

Уже на другой стороне берега по пути к Абадану мы совершили утреннюю молитву. После этого какой-то военный автомобиль довёз нас до аэропорта Абадана. На мосту Бахманшир была просто невероятная толпа людей. Женщины с детьми на руках и поклажей на голове бежали от войны.

Это было удивительное зрелище. Как мы поняли позже, аэропорт тогда не работал. Ближе к вечеру я наконец-то смог найти машину, которая довезла меня до местного речного порта. Оттуда мы достигли Махшахра, недалеко от которого находились мои жена с ребёнком.

Знаете, на самом деле наши ребята сражались за каждый дом и каждый шаг этой земли. Некоторые перемещались по крышам домов и ловко сбрасывали гранаты в места скопления

иракских солдат.

*Все эти беды были следствием непрости-
тельных ошибок президента и предателя Бани
Садра. Если бы он в должный момент оказал
нужное сопротивление, то война не достигла
бы этого рубежа, ведь народ был непоколебим,
и ему нужна была лишь поддержка правитель-
ства. Прямо в этой мечети женщины натирали
мыло, из которого затем делали бомбы.
Некоторые занимались выпечкой хлеба. Даже
дети вносили свой вклад в сопротивление – они
бегали по крышам и, если обнаруживали ирак-
цев, сообщали нам о том, где они находятся.
Вот, это было прямо в этой комнате для
боеприпасов. Моя дочь тоже была здесь. Она
занималась записями и выдачей оружия. Иногда
она вместе с моей невесткой шла помогать
остальным переносить тела погибших жен-
щин.*

*Одним из тех, кто работал усердно, не покладая
рук, был шейх Шариф. Он работал действи-
тельно много. Убили его на центральной улице.
В него было выпущено очень много пуль... Тогда
мы почувствовали, что наше поражение ещё
ближе, чем до этого – столь великой для нас
была его потеря.*

*На том же переулке Талегани я видел тело
убитой женщины, рядом с которым лежал и её
убитый ребёнок. От этой картины мне стало
очень плохо, и в течение ещё долгого после*

этого времени я не мог прийти в себя. На улице шейха Мухаммада Тахира, по которой двигались иракские солдаты, наши ребята дали им бой, и был этот бой настолько ожесточённым, что дело дошло до рукопашной. Те иракцы, которые сумели выжить в том бою, бежали без оглядки. Знаете, таких воспоминаний у меня ещё очень много.

На дворе был 1982 год, когда один житель Хорремшехра приехал сюда, чтобы навестить свою семью. Когда он вступил в свой дом, то увидел мёртвое тело своей матери, которое так и оставалось там лежать – никто просто не заметил этого. В том году мы нашли ещё несколько тел в общественной городской библиотеке...».

После рассказа Мухаммада, мы постепенно отходили от этого мира воспоминаний, в который он нас погрузил так, что казалось, будто сами проживали это всё. Вслед за ним мы поднялись на крышу мечети, где он хотел показать некоторые повреждения, которые были ей нанесены за время войны.

Рукой он указал на место, куда попал первый снаряд – это было на самом краю крыши, возле минарета. Пробоина была где-то размером с кулак. Рядом стояло ведро, в котором были самодельные гранаты, уже покрывшиеся ржавчиной – ребята охотились на иракские танки ими за неимением настоящих боевых

гранат. Теперь они лежат, покрывшись ржавчиной, как и мозги тех, кто занял высокие должности с целью сохранить память о минувшей войне. Вещи, которые должны были лежать за стеклянной витриной музея войны, ныне находятся здесь, на крыше никому не известной мечети. Будет ли следующее поколение этой нации иметь наглядное представление того, что такое агрессия, которую применили против нас, и какой ценой и как была она отбита?

Не надо даже сильно вглядываться в Хоррем-шехр, чтобы увидеть все те раны, которые причинила ему война. Что же послужили тому причиной? Современное варварство, когда люди у власти не многим отличаются от обезьян с автоматами, внедрение ложных ценностей, абсолютное безмолвие ООН и всех связанных с ней организаций. Те, кто объявляет себя защитниками элементарных человеческих ценностей во всём мире, являются самыми большими врагами всего человечества...

Так, увидят ли представители нашего подрастающего поколения эти самодельные гранаты, иллюстрированные в книгах по истории? Будут ли их спрашивать на экзаменах о том, кем были такие великие личности, как Джаханара? Понимают ли значение слова «завтра» ответственные за распространение духовного и исторического наследия лица?

В голове у нас возникало ещё множество вопросов. Из этих тяжёлых дум наше внимание вновь обращается на все раны Хорремшехра. Несправедливость и угнетение будто заполнили не только землю этого города, но и его небеса. Слабый луч постепенного возрождения города никак не умаляет бесконечную боль его жителей.

На улице, что проходит через центральную мечеть с другого конца, а не там, где нас угощали бесплатным арабским чаем с финиками, мы заметили фигуры нескольких женщин, одетых в чёрные платья, которые стояли перед фруктово-овощным магазином. Там мы познакомились с Абдуллой Сулеймани. Это был житель Хорремшехра, который до начала войны работал почтальоном. Далее мы приводим для вас его слова:

«В тот день, когда началась война, я был на улице, что находится рядом с рекой, и разносил письма. Это было примерно в пятом часу после полудня. Когда бомбардировка усилилась, я решил укрыться в нашей аптеке, где я и оставался, пока на улице не стемнело.

До 10 октября я помогал людям в центральной мечети города. 16 октября, когда город окончательно опустел, я вышел вместе с остальными. Мы мусульмане арабского происхождения. Мы даже представить себе не могли, что Ирак развяжет такую войну против нас.

Мы были вынуждены бежать в город Рамхормоз. После этого я отправился в Абадан и остановился в местном аэропорте, где работал почтальоном для наших солдат. Однажды, когда я вёз письма ребятам, которые закрепились в деревне Пол-е Нов, снаряд упал рядом с фурой питьевой воды, которая ехала мне навстречу. Её водитель не справился с управлением покосившейся машины, и она свалилась набок. Чтобы не попасть под неё мне пришлось резко свернуть на обочину, где из земли возвышались насыпи. Из-за резкого поворота мотоцикл тоже покосило, и я тоже свалился на землю. Письма были разбросаны. Молодой человек, который управлял фурой, быстро вышел из машины и помог мне встать на ноги. После этого он принялся собирать со мною письма. Как выяснилось позднее, он долгое время не получал никаких сведений о своей семье, и среди всех этих писем он неожиданно наткнулся на то, что было адресовано ему членами его семьи. Это одно из таких воспоминаний, которое я никогда не забуду. Я, как обычный почтальон, всем сердцем мечтаю, чтобы этот город был восстановлен в самые кратчайшие сроки и люди вернулись на свою землю. Это было для меня вторым рождением, потому что я, как и прежде, вновь начал бы разносить почту и опять как-то служить этому обществу.

Мы сами родом из небольшого села под названием Арид. Оно находится в окрестностях Полле Нова и недалеко от ирано-иракской границы Шаламче. Моя мать, которой было тогда 64 года, была пленена иракцами. Она до сих пор находится в их плену. За всё это время до меня дошли от неё только два письма.

У самого у меня на начало войны было два ребёнка – новорождённая дочка и четырёхлетний сын. Из-за сильной жары, когда у нас не было просто питьевой воды, и постоянного кочевания оба они умерли...».

Хедаятолла Бехбуди
Мортаза Сарханги
Вслед за дождём

Перевод с персидского М.С. Изарипов

Редактор перевода Н.Г.-А. Мамед-заде

Отпечатано ООО «Медиаграф».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1.75. Тираж 500 экз.
Заказ №54 от 10.08.2020

www.media-polis.ru

г. Ростов-на-Дону
2020 г.